

Добрыня и Змей (7)

Жил Никитушка — не старился, а сейчас преставился.

Осталась у Никитушки любима семья, молода жена беременна.

И вот родила она сына, вот нарекли ему имя Добрыня Никитич. Он не по годам рос, а по минутам.

Ростила она его до трёх лет, он уже большой стал. Отдала она его в школу учиться, разные

науки боғатырския: по поднебесью ходить ясным соколом, по воде — ярым гоголем. Он учился и

всё учение произошел. Ходит он в городе и шутит шутки непомерные над боярскими детьми. Коґо

хватит — нога прочь, коґо хватит — рука прочь. Приходят к матушке, заявляют на сына: «Шутит

шутки непомерные, многих побил!»

Матушке сына отдалять жалко стало, а велят из города выселять дальше.

Ходит Добрыня,

загорюнился и запечалился. Однажды идёт Добрыня по-за городу. Выбегает к нему старушка.

«Што же ты загорюнился, запечалился, ходишь не весел?» — «Ходи ты, старая чертовка!» Она

обежала дом, да опять к ему навстречу. Он и подумал: «Что это бабушка бегаёт?» «А вот, — говорит,

— бабушка, хожу, не могу себе коня выбрать!» Вот она ему и сказала: «А вот у твоего

батюшка есть в чистом поле дуб, и под этом дубе — плита, а под плитой — погреб, а в погребе

— конь. И тут же в саду дом стоит, и в ём вся боғатырская сбруя сложена.

Можешь этой плитой

владать, можешь этим конём владать!»

Пошел он в чистое поле, отыскал этот дуб, где он стоит. Схватил с корнем со всем, вытащил,

бросил. Плиту носком поддел, отсвиснул. Конь выскочил из погреба, пал на коленца. Хлопнул коня по

тучным ребрам: «Конь, ты конь — травяной мешок! Как батюшку служил, так и мне послужи!»

Пришел под передний угол, признал его кверху. Одной рукой держит — другой вынимает

саблю, меч-кладенец, копье долгомерное, седло турецкое. Обседлал, обуздал коня, седелько турецкое,

вдоль по спинушке ремешки: не ради басы — ради крепости. Снарядился, сел на коня и поехал,

к матушке своей. Приехал он к матушке, привезал к золотому кольцу.

Матушка испугалась:

«Какой богатырь приехал незнакомый?» Стал он просить у ей

благословения ехать в чистое поле

послужить, себя показать — князю Владимиру в стольне Киев-град. Так

матушка сперва не давала.

«Дашь — поеду, не дашь — поеду!»

Ну, матушке делать нечего. Подорожников напекла и снарядила в дорогу.

Еще при поездинах

вынесла ему плетку-троехвостку. И вот сказала ему: «Вот ты поедешь в

чисто поле, в Брянские

горы. На восходе солнце красного нападёт на тебя лень и захочется тебе

покупаться в тихих

заводях. Перва-то заводь отрывчата, вторая-то заводь — зла-относчива: под

жилище змеиное тебя

отнесёт. Вот налётит на тебя Змея лютое, огнём опалит, в хоботá возьмёт. А

вот отец-родитель

этой плеткой отдувался от ней!»

Взял эту плеточку, завернул, в карман полбжил. Вот Добрыня тут садился;

не видели, как в стремяна

вступил, — а только в поездочку пыль столбом стоит, поехал в чистое поле.

Вот он ездил, близко

ли — далёко, низко ли — высоко, по чистому полю. На восходе солнце

красного, на закате

светлого месяца напала на него тоска-кручина-лень. Тяготит его, в сон

клонит — и захотелось ему покупаться.

И поехал он к морю. Приезжает он к морю, поставляет коня, и разделся, и

купнулся в перву

заводь, нырнул. Вынурнул у второй заводи: унесло. Нырнул второй раз.

Вынурнул под змеиным

гор[ой]-жилищ[ем]. И вот нырѣт тут, гарится под змеиным жилищем.
Увидала там паленїца
зла-удалая из своего терема и летит из своего терема прямо на его — о
двенадцати хоботах Змея!

Вот говорит: «Святые отцы писали-прочили, что мне от Добрыни смерть, а
теперь Добрыня
у мя в руках! Хошь я тебя, Добрыня, в хоботы сожму; хошь я тебя, Добрыня,
їскрой зѣсыплю;
хошь я тебя, Добрыня, дымом зѣдымлю!» Тут Добрыня ответ ей держїт: «Не
отеребила — да
сварїла, не сварїла — а скушала!»

Нырнул, значит, Добрыня в первую заводь; голову показал, нырнул второй
раз — она его и
потеряла: ярым гоголем обернулса. Сейчас он выскочил на берег, надел
рубашку и подштаники. И
вот эта Змея увидела его на берегу и летит с горы. Вот он сапог песку
черпнул, да ей встрету и
катнул. У ей половину хоботов отшиб! Тогда они схватились с ей в
рукопашный бой. Много ли,
мало ли с ей бились — трое суток. Тогда Добрыня вспомнил эту плѣтку. И
выхватил из кармана
ей эту плѣтку. Давай этой плѣткой лупить и дуть! Давай она извиваться!
Тогда она взмолилась:
«Не бей, Добрыня! Буду я тебе слугой верной и неизменной! И поедем, грит,
ко мне в дом. У меня
есть дочь прекрасная, могу за тебя замуж отдать».

Тогда Добрыня согласился, в живности оставил, и поехали с ей во дворец.
Приезжѣт они, собрала
она тут, что ему требуетця: питья, кушанья, поставила что ему нужно на
стол. Подносит
ему чару зеленѣ вина. Смотрит он в эту чару, видит — посередине Змея
лежит, а по краям ключи
кипят. Катнул он эту чашу за окно и услышал топот на улице. Выбежал —
Змея под ногами извиваетця.
Забежал, копьѣм ей схватил, вытащил в чистое поле, разорвал,
разбросал по чисту полю.
Тут девушка у ей была. Девушка стала плакать: «Вот ты у меня мамашу

убил, а я куда деваюсе,
как буду жить?» — «Нет, это тебе не мамаша! Не помнишь ли ты, откуда
взята, не помнишь ли
родителей хоть немного?» Вот тогда она и говорит: «А как будто немного
помню. Вышла я с няньками,
а ветер <...> подхватил и унёс». «Вот, говорит, срежайся и поедем со
мною!»

Вот она средилась. Он это жилище змеиный сожег и повез в стольный Киев-
град. Не доезжая
он до городу, раскинул он шатёр и эту девушку оставил в шатре на
кроватьке. А она не остаётся,
плачет: «Ой, меня кто унесет!» А он говорит: «Нет, никто не унесет,
оставайся покамест».

Ну вот, он поехал в стольне Киев-град. Припустил коня через стенушку
городовую, поставил
на площади, к золоту кольцу привезал. Заходит, караульщики, часовые
пропускают. У князя
Владимира идет бал. Крест кладёт по-писаному, поклон ведёт по-учёному,
поклон ведёт на все четыре
стороны, князю со кнегиней во особицу. И вот князь Владимир посадил его
за стол, подносит
ему пива хмельного, чару в полтора ведра. И стал князь его выпрашивать:
каких городов,
какого отца-матери, племени. Вот он рассказал: «Добрыня Микитич, из
такого-то места, приехал
к вам в услужение. Нельзя ли вам послужить?» И каким путём ехал — всё
расспросил. И вот
князь Владимир говорит: «Ты тем путём ехал: не видел ли девушки, не
собирает ли ягоды? Она как
лет петнадцать потерялась! Не видал ли, не слыхал ли?»

Вот тогда Добрыня Никитич говорит: «В одном месте видел: девушка ходит,
ягоды собирает
на пустом месте». — «А не можешь ли эту девушку привезти?» — «А это
могу». Ему принесли
чару. «Войска ли не надо?» — «Нет, не надо мне войска».

Приезжает он к белому шатру, а она спит на кроватьке. Давай он ей будить
потихоньку. Розбудил,

а она плачет. А он ей говорит: «Давай поедem в город!»

Вот он приезжает, привозит ей. В охапке всё вёз. Привозит, тут встретил князь Владимир,
узнал, что дочь. Со молебствием, со звоном: весь город собрал, все пировали. Я тут был, мёд-пиво пил, вместе пировал!

(Зап. А. М. Астаховой 27 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Филиппа Васильевича, 40 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.